

История СССР за рубежом

НА СЛУЖБЕ НЕОНАЦИЗМА

(О книге Ганса фон Римши «История России»)

М. Р. ТУЛЬЧИНСКИЙ

При большом количестве учреждений, занимающихся в ФРГ изучением истории СССР (более 65 институтов, семинаров, кафедр и обществ), количество общих работ по истории нашей Родины — по сравнению с числом частных исследований — невелико. Поэтому тот факт, что недавно к довольно распространенным в ФРГ книгам Хетча, Ханиша, Рауха, Неандер, Гиттермана и Лемберга прибавилась еще одна «История России», написанная сотрудником Эрлангенского университета Гансом фон Римшей, не может не вызвать известного интереса¹.

Г. фон Римша принадлежит к старшему поколению германских «специалистов по Востоку». Он родился в 1899 г. в г. Риге, окончил гимназию в Праге, учился в Дерптском, Геттингенском, Бреслауском, Тюбингенском и Иенском университетах. С начала 20-х годов он публикует ряд работ, посвященных Советскому Союзу, проявляя особый интерес к истории русской эмиграции². Этот интерес он сохранил и позже³.

Уже в ранних работах Г. фон Римша занял отчетливую антисоветскую позицию. В 1927 г., будучи старшим преподавателем одной из рижских гимназий, он издал книгу под броским заголовком «В красном царстве загадок». Подобно многим тогдашним реакционным историкам Римша уверял, что «большевизм опасен для европейской культуры»⁴. Отмечая, что после победы Великой Октябрьской социалистической революции эмигранты чуть ли не каждую неделю предсказывали крах большевистской диктатуры, он выступал против «недооценки» и «принижения» большевизма. «Опасность, — отмечал в связи с этим Римша, — лишь увеличивается, когда действительность искажают, или маскируют»⁵. Но, как хорошо известно, контрреволюция по самой природе вещей не может глядеть правде в глаза. Лучшим свидетельством этого было то, что благие призывы Римши не нашли воплощения даже в его собственных книгах тех лет — все они были не меньшим искажением большевизма, чем «творения» других реакционных буржуазных ученых.

С тех пор прошло более тридцати лет. Бывший учитель рижской гимназии стал профессором Эрлангенского университета, а его многолетние

¹ Hans von Rimscha. Geschichte Russlands, Wiesbaden, 1960, 603 S.

² H. v. Rimscha. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917—1921, Iena, 1924.

³ H. v. Rimscha. Die Entwicklung der russischen Emigration nach der II Weltkrieg, 1949.

⁴ H. v. Rimscha. Im Roten Reich der Rätsel, Riga — Berlin, 1927, S. 58.

⁵ Там же, стр. 61—62.

труды вылились в обобщающую, итоговую работу по истории России, которую он посвятил своим ученикам. За эти годы большие изменения произошли во всем мире. Под лозунгом «Большевизм — враг европейской культуры» гитлеровский фашизм развязал войну против СССР, но разбил ее несокрушимую силу нового общественно-экономического строя. В настоящее время социализм стал важнейшим фактором, определяющим ход мировой истории. Какой же путь проделал за это время сам Римша как историк? Чему научила его жизнь? Эти вопросы возникают в первую очередь, когда берешь в руки новую книгу маститого автора.

Книга Римши не рассчитана на специалистов. По его собственным заверениям, «она обращена к более широким кругам интересующихся читателей, не обладающих специальными знаниями предмета и стремится, в соответствии с современным состоянием исследований, к популярному и в то же время научно изложению всего хода русской истории от ее истоков и до наших дней» (стр. 13).

Действительно, работа написана популярно, легко читается. Она не перегружена фактическим материалом. Но посмотрим внимательнее, что преподносит г-н Римша своим читателям под видом «научного» изложения истории нашей страны.

Искать в истории России какие-либо объективно действующие внутренние факторы исторического прогресса Римша отказывается: экономическое развитие в его книге попросту отсутствует. Не признает он и существования присущих любому антагонистическому обществу классов и классовый борьбы. Все гораздо проще объясняется борьбой западных «цивилизующих» и восточных «варварских» сил. Первые старались приобщить Россию к Европе (или, выражаясь языком Римши, «интегрировать» ее), вторые, напротив, отталкивали от европейского мира эту и без того дикую страну. Сферой приложения обеих сил была, согласно Римше, некая мистическая «русская душа».

Прежде всего Римша выделяет целый ряд психических черт русского человека, остающихся, по его утверждению, «удивительно постоянными на протяжении столетия, вплоть до наших дней» (стр. 80). Определять, откуда взялись эти черты — из славянской или финской крови, были ли они определены просторами, ландшафтом, климатом Восточно-Европейской равнины — Римша не берется. Но зато он точно знает, что именно они сыграли в истории существенную роль (*in hohem Grade geschichtsbildend geworden sind*). Черты эти, как узнает читатель книги Римши, крайне противоречивы. «Типичным признаком русского человека» Римша объявляет его «способность к интенсивной трудовой деятельности» при одновременной «неспособности к равномерному прилежанию»; его «большую природную одаренность» и «находчивость» и вместе с тем «неуравновешенную, склонную к крайним выходкам чувственную жизнь»; его «недоверие по отношению к иностранцам», «замкнутость», которые могут резко перейти в «чрезмерную откровенность». «Наблюдаемая вплоть до последних дней покорность судьбе, соединенная с широко распространенным отсутствием стяжательства и равнодушием к собственности, постоянная готовность транжирить нажитое..., способность с большим терпением переносить страдания — при готовности в любой момент к внезапному возмущению, радость творчества и страсть к разрушению, доброта и зверство, чувственный разгул и аскеза, ограниченность и безграничность, — фантазирует Римша, — все это принадлежит к характеристике русского человека» (стр. 81).

Изобретенные Римшей противоречивые черты русского характера служат в свою очередь двоякой цели: доказательству того, что на протяжении всей истории русский народ выступал то в роли пассивного начала, покорно воспринимающего «веления» сверху, то в роли бунтующей «анархической» массы, разрушающей все и вся вокруг себя. Хотя обычным состоянием народа была, согласно Римше, пассивная покорность,

однако и бунтарские черты Римша также считает одним из наиболее устойчивых компонентов русской истории, так сказать ее «вековой традицией» (стр. 433). Отмечая что «анархический идеал свободы» был органически присущ всем казацким и крестьянским выступлениям в прошлом, он пишет (обнажая политические цели своих исторических изысканий), что этот идеал «наложил свой отпечаток на все русское освободительное и революционное движение вплоть до XX века и даже оставил свои несомненные следы в радикальном марксизме, например, у Ленина» (стр. 213).

Итак, народ либо терпел, либо бессмысленно бунтовал, но никогда не был творцом своей истории и оставался всего лишь ведомым.

Кто же, согласно концепции Римши, «вел» народ, создавал государство, русскую культуру, словом определял всю жизнь страны? Разумеется, правители России — начиная от варяжских пришельцев и кончая... большевиками. Соответственно этому строится и «периодизация» книги Римши: первый раздел — Киевский период. Под господством рода Рюриковичей: второй раздел — Период княжеской раздробленности. Под владычеством татарских ханов; третий раздел — Первый московский период. Под самодержавием великих московских князей и царей; четвертый раздел — Петербургский период. Под самовластьем императоров всея Руси; пятый раздел — Второй московский период (разумеется «под тоталитарным господством большевистских диктаторов»).

Путем каких манипуляций большевики попали у Римши в один ряд с князьями, ханами, царями и императорами мы увидим несколько позже, пока же обратимся к трактовке первых четырех периодов.

Характеризуя Киевскую Русь, Римша прежде всего поднимает на щит норманскую теорию, призванную характеризовать в его концепции начальный этап «интеграции» в истории древнерусского государства. «Величайшим и редчайшим счастьем для русских, — утверждает он в своей книге, — было то, что как раз в первые времена господства этого слоя (варяжского. — М. Т.) от него произошли многие необычайно выдающиеся представители. В первую очередь благодаря им исторические возможности превратились в историческую действительность» (стр. 25).

Именно интегральные идеи заставляют Римшу подходить с субъективной меркой к историческим явлениям, загонять их в прокрустово ложе своей «концепции». Так, уже в первом разделе книги, говоря о древнерусском Киевском государстве, Римша, пользуясь языком, на котором разговаривают задающие тон в ФРГ христианские демократы, утверждает, что включавшаяся в «христианский культурный мир» Киевская Русь «встала с Византией и Западной Европой в единый фронт против языческой Азии» (стр. 42). Чтобы понять, сколь «актуальна» ныне в ФРГ эта сторона дела, сошлемся хотя бы на выступление канцлера Аденауэра на собрании ассоциации немецких католиков в Бромберге, где он заявил: «Каждый из нас, и особенно каждый христианин, обязан внести свой вклад, свою долю участия, ибо, поверьте мне, речь идет о том, чтобы решить: останется ли Европа христианской или она сделается языческой»⁶.

Те же функции «защитника (христианской) Европы от (языческой) Азии» Римша приписывает и киевскому князю Святославу, который сам был, как известно, язычником (стр. 36). Служение предвзятой идее заставляет эрлангенского историка, игнорируя выводы ученых СССР и других стран, утверждать, что расцвет Киевского государства определялся его тесной связью с Западной Европой, а упадок объяснять исключительно нарушением торговых связей в результате перемещения торговых путей в бассейн Средиземного моря (стр. 22), хотя на самом деле

⁶ См. «Bulletin der Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung», Bonn, 22 Juli 1952.

расцвет и упадок древнерусского государства были обусловлены в первую очередь социальными и экономическими причинами (классовой борьбой и развитием феодальной земельной собственности в условиях господства натурального хозяйства), анализа которых старательно избегает автор.

В следующих трех разделах, охватывающих периоды княжеской раздробленности, татарского господства и самодержавия московских князей, Римша вынужден ограничиться описанием «интеграции», охватившей лишь западные окраины Русского государства (Новгород, Галицко-Волынское княжество и т. п.), и посвящает главное внимание зарождению внутри страны «автократии» и «деспотизма». Здесь Римша пытается выдать процесс образования феодально-абсолютистского государства, типичный, как известно, не только для России, но и для Западной Европы, за некий специфически русский процесс.

XVII в. знаменует, по мнению Римши, зарождение новой эры «интеграции» — «западные влияния в увеличивающихся размерах вторгаются в Москву» и история вновь наполняется борьбой «европеизирующих» и темных «антиевропейских» сил (стр. 249). Переходя к изложению истории столь любезной его сердцу императорской России (ей Римша посвящает почти половину своей книги: 258 из 603 страниц), он уверяет, что «картина петербургского периода, длившегося около 220 лет, характеризуется в целом включением России в Европу, целенаправленным, систематическим поддерживаемым, и в конце периода по существу достигнутым выравниванием с европейскими порядками. Тем самым было разрушено старорусское культурное единство и заново создана из него интегрированная в западноевропейскую сферу русская культура» (стр. 259). Носителями этой «интеграции», культурирегерами на русской почве были, согласно Римше, помимо поляков, прибалтийские немцы и, разумеется, «чистые» немцы, «число которых в русском государственном аппарате было весьма велико», и которые благодаря наднациональной, учитывающей интересы империи (übernational — imperialen) политике русских царей XIX в. превратились из «оплота Европы против русачества» в «мост между Европой и Россией» (стр. 377).

Особенно тщательно расписывает Римша как менялся облик правителей России — князей, царей и императоров, которые постепенно превращались из деспотов «восточного типа» (московские князья, Иван Грозный) в проводников «европейского влияния» (Александр I, Александр II), дав вместе с тем российскому престолу несколько противоречивых «промежуточных» фигур (Петр I, Александр III). Из книги Римши можно понять и другое (хотя прямо это нигде не сформулировано): сама принадлежность монарха к тому или иному «типу» определяется его расовой генеалогией, большей или меньшей примесью либо татарской, либо европейской (точнее немецкой) крови. Любопытный читатель, интересующийся в Боннском государстве историей России, может, к примеру, узнать из «пособия» Римши, что весь «петербургский период» в увядающую династию Романовых вливали «свежую кровь» разного рода немецкие княжеские фамилии, а старательно выписанная на стр. 447 родословная (Ahnentafel) Александра II — царя, наиболее симпатичного сердцу Римши, — сообщает читателю, что он имел — по крайней мере в двух коленах — абсолютно чистую «немецкую кровь» (чего, разумеется, нельзя сказать ни об одном из Романовых, правивших в «первый московский период»). Сам Римша в ряде мест книги пытается отмежеваться от расистских концепций фашистского времени, но его собственные, с позволения сказать исторические, изыскания безусловно могли бы составить честь любому фашистскому историку — настолько веет от них духом расизма и национализма.

Интересно, что, толкуя о европеизации России, о сближении русских и европейских порядков, Римша находит носителей этого процесса где

угодно: среди самодержцев, царских чиновников, немецких переселенцев, но только не среди либералов.

Для немецкой консервативной и нацистской историографии характерно вообще враждебное отношение к либерализму. Римша, как явствует из его книги, унаследовал эту вражду. Однако интегральная концепция не позволяет ему ограничиться лишь осуждением этого политического направления, корни которого по его убеждению лежат на Западе. Римша находит простой выход: он объявляет истинно либеральными те консервативно-монархические силы, которые пытались толкнуть Россию по прусскому пути исторического развития. Так он всячески прославляет «правительственный либерализм» в России: внешнеполитический — при Александре I и внутривнутриполитический при Александре II. Первый, сообщает Римша, «стремился к тому, что мы называем европейской интеграцией, разумеется с участием России, но без претензий на гегемонию» (стр. 336), а второй даровал стране эру «великих реформ». Но русский «не правительственный», или как он выражается «радикальный» либерализм, представленный Милюковым и другими, Римша не жалуется.

Унаследовав политический дальтонизм немецких консерваторов и монархистов, считавших все партии, находившиеся левее их, «на один манер», Римша стремится нацепить ярлык радикалов на русских кадетов, видя в них если не виновников, то во всяком случае косвенных соучастников событий XX в., пошедших в неуютном ему направлении. Именно кадеты способствовали, по мнению Римши, сначала развязыванию войны 1914—1917 гг., а затем и революции. Так, первая мировая война, согласно Римше, возникла благодаря тому, что «после отставки Витте, империалистско-панславистские идеи, которые в возрастающей массе распространялись растущей буржуазией и политическим либерализмом, вследствие смерти Столыпина приобрели вновь влияние на правительство» (стр. 504). Но России война была противопоказана. Римша твердо держится за тезис, приобретенный в буржуазной историографии почти силу закона: не будь войны, не было бы и революции. Именно на войне и хотели сыграть проклятые либералы. Постоянно подчеркивая свою солидарность с радикалами, они стремились использовать последних в качестве «тарана». Сами отрицая насильственные методы, они каждый раз были готовы использовать в собственных интересах эти методы, видя в самодержавии «общего врага». И доигрались! «В тот момент, — пишет Римша, — когда общий враг — самодержавие пало, положение фронтов полностью изменилось и либералам пришлось убедиться, что их радикальные сообщники по революции оказались мобилизованными не против автократии, а против них самих» (стр. 513).

Здесь мы подходим к следующей кардинальной особенности «труда» Римши — его откровенному и совершенно оголтелому антикоммунизму.

Обоснование тезиса о решающем влиянии стран Запада (а точнее немецкого Запада) на весь ход исторического процесса в русском государстве — лишь одна сторона той задачи, которую ставил перед собой Ганс фон Римша. Другая, как он уверяет в предисловии к «Русской истории», заключается в том, чтобы «выяснить вопрос о тех своеобразных традиционных силах, которые, несмотря на все превращения, придавали русской истории самобытный и устойчивый характер» (стр. 15). За этой туманной формулировкой скрывается намерение автора отыскать исторические корни русского коммунизма, прервавшего «интеграцию» и вернувшего Россию из «петербургского» во «второй московский период», доказать его «детерминированность» всем ходом русской истории.

Прежде всего на арене русской истории появляется, примерно с середины XIX в., новый, совершенно «специфический элемент» под наименованием «русская интеллигенция». «В других странах и у других народов нет ничего соответствующего русской интеллигенции, — уверяет

Римша, — она является единственным в своем роде историческим феноменом» (стр. 422). Именно этот феномен в конце концов сыграл «решающую роль» в политическом развитии страны.

Если самодержцы, как представители «власти», направляли Россию на путь истинный, то интеллигенция, напротив, олицетворяла «дух», бунтовавший против этой власти. Русские интеллигенты, а особенно молодежь, быстро впали в «нигилизм», объявили себя свободными от всех моральных норм и законов, отдались несбыточной утопии построить с помощью науки «рай на земле» (стр. 463). «Не имея проверенных знаний о фактическом состоянии империи, будучи неспособным судить о мерах по возможному устранению недостатков, переоценивая свои силы, заблуждавшееся революционное юношество обоего пола сочло себя правомочным и призванным к тому, чтобы терроризировать империю, а в случае возможности разбить ее, придав при этом ореол святости сначала себе самому, а потом своим преступлениям» (там же). Как легко понять, в этой характеристике русских революционеров Римша далеко не оригинален. Он повторяет по сути дела ту клевету против революционеров, на которой еще до Октября специализировались бюрократы-монархисты и сотрудники царской охраны. Это лишний раз подтверждает реакционные консервативно-монархистские симпатии самого эрлангенского профессора.

«Выявленные» Римшей качества «интеллигенции» и проявились особенно ярко в «эпоху реформ 60-х годов». Реформы, как убежден профессор, имели один порок: они проводились «в слишком быстром темпе» (стр. 459), развязав силы, которые «неистово понесли вперед». «Оттепель» александровской эпохи вылилась в целое «взбаламученное море», благодаря чему творение «императора-реформатора» «осталось незаконченным, а смерть воспрепятствовала ему завершить или хотя бы продолжить его несколько далее» (стр. 447).

Как нетрудно догадаться, наследниками нигилистической интеллигенции, апеллировавшей постоянно к уже знакомым нам «анархическим инстинктам народа», явились большевики, окончательно столкнувшиеся Россию с «западного» пути. Воспользовавшись удобной ситуацией, созданной первой мировой войной, «верные своему принципу „чем хуже, тем лучше“, они старались, и не без успеха, предотвратить всякую нормализацию отношений, и сознательно толкали к хаосу, дабы нанести последний смертельный удар лежащей в агонии империи» (стр. 525). Не жалея красок, расписывает Римша «воцарение в России анархии» после неудачной попытки генерала Корнилова и его «либеральных генералов» (!) навести в России столь необходимый ей «порядок» и «покой». Если верить Римше, полную анархию в деревне развязало земельное законодательство большевиков; в промышленности анархия была создана тем, что Ленин «призвал рабочих брать фабрики в свои руки»; анархия на фронте была создана той же пропагандой большевиков; анархия в государстве — лозунгом самоопределения наций; анархия в семье — большевистской проповедью «свободной любви», всеобщим «сексуальным одичанием».

Но если целью большевиков была всеразрушающая анархия, то как же объясняет концепция Римши гигантскую созидательную деятельность большевиков, плоды которой ныне весомы и столь явны, что обойти их нельзя даже в исторических пособиях подобного типа? Все объясняется изумительно просто: оказывается в мифической «родословной» большевизма фигурирует у Римши не только «интеллигентский нигилизм». Отыскивая «корни» коммунизма в наиболее темных закутках русской истории, Римша выдает его за наследника всех отвратительных, деспотических черт... того же царского самодержавия! Обложка книги, на которой рядом с двуглавым орлом изображены серп и молот, и все ее содержание наглядно свидетельствуют о такой тенденции.

Для того, чтобы облегчить себе выискивание «специфически русских корней большевизма», Римша обозначил общественный строй, установившийся в нашей стране после Октябрьской революции, как «автократический». Употребляемый идеологами антикоммунизма наряду с эпитетами «авторитарный» и «тоталитарный», этот термин позволяет с меньшим риском вламываться в историю с целью отыскать там «начала» большевистской России. И Римша откапывает сии мифические начала в правлении «первого автократа» владими́ро-суздальского князя Андрея Боголюбского (стр. 82), затем в господстве татар (стр. 110), наконец в деятельности первых московских князей, подхвативших эту своеобразную эстафету. «Корни большевизма» Римша прослеживает и далее: в самодержавии Ивана III и Ивана IV, из которых первый был «олицетворением старомосковских традиций», впитавших в себя как «татарское», так и «византийское» наследия (стр. 174), а второй — «автократом», установившим «массовый террор» (там же). Эти же корни автор видит в правлении Петра I, «в котором старорусско-московское смешалось с совершенно чуждым и новым» (стр. 264), в русском мессианизме, панславизме, империализме и т. д. и т. п. Строя клеветнические «линии преемственности», Римша постоянно прибегает к антинаучным аналогиям и сравнениям, перебрасывает мостки из прошлого в современность и наоборот. С самым серьезным видом эрлангенский профессор проводит параллели между учением жившего в середине XV в. старца Филофея о «III-м Риме» и историческим материализмом (стр. 158); между Петром I и В. И. Лениным (стр. 261, 519 и др.); Екатериной II и большевизмом (стр. 337). Сюда же относится и заявление о том, что уже у Пестеля заметно «родство между радикальной демократией и автократией», наследником которых стал затем большевизм (стр. 408). Подобными «открытиями» буквально пестрит вся книга.

Мифические «автократические» корни большевизма и позволяют фон Римше завершить построение своей «концепции». Если наследие «нигилизма» помогло большевикам «развязать анархию» и добраться до власти, то не что иное, как наследие «автократии» позволило осуществить вторую «насильственную» революцию сверху — обобществить сельское хозяйство, создать гигантскую промышленную мощь. Описаниями этих «насилий» Римша наполняет «второй московский период», подводя читателя к событиям наших дней.

Что касается каких-то прогнозов или рекомендаций на будущее, то Римша не решаетя их делать, считая, что это дело «политиков» западных стран: может быть они и найдут в будущем способ «интегрировать» Россию в западное «содружество».

* * *

Такова в сжатом виде интерпретация Римшей нашей истории. Приступая к анализу его книги, мы вовсе не собирались вести с автором научную полемику. Наша цель была совершенно иной — выделить из груды тенденциозно подобранных фактов (напомним, что в книге 600 страниц) основные «методологические» линии Римши с тем, чтобы каждому стало ясно: перед нами не научная концепция русской истории, а навязчивый антисоветский бред.

Сам по себе этот бред не блещет оригинальностью. Знакомое уже нам увлечение русской эмиграцией помогло Римше почерпнуть антисоветскую аргументацию так сказать из первоисточника — из полных ненависти и злобы к коммунизму писаний контрреволюционеров и белоэмигрантов всех мастей. На первое место и здесь надо, вероятно, поставить «творения» Бердяева и Масарика, оплодотворившие буржуазную историографию мистической концепцией «русской души», тезисом о

большевиках — «наследниках» традиций «двух» (нигилистической и самодержавной) России и приведенной выше периодизацией⁷.

Деление всего мира на цивилизованный «либеральный» Запад и нецивилизованный «деспотический» Восток, деление, которому и подчинена периодизация Римши, характерно для всей современной буржуазной исторической литературы. Обычным для буржуазной историографии стало и презрение к экономической истории, в корне противоречащей схеме Римши, а потому отброшенной им прочь. Любопытно, что даже американский историк В. Кирхнер был вынужден упрекнуть своего немецкого коллегу в том, что из «первых трехсот страниц» его работы «едва ли три (!) посвящены экономической истории»⁸. А подзаголовок о «втором московском периоде» с определенностью указывает на то, что Римша не отстал и от «веления времени», об этом свидетельствует словечко «тоталитаризм», как известно, используемое реакцией для «отождествления» таких несовместимых вещей, как советский строй и фашизм.

Но будем справедливы: было бы глубоко неверно считать автора «Истории России» простым компилятором идей русской эмигрантской и западной буржуазной историографии. Он их «критически» перерабатывает в целях приспособления к господствующей ныне в ФРГ доктрине «европейской интеграции», содержащей живые отголоски идей гитлеровского «нового порядка» в Европе.

Доктрина интеграции пронизывает, как мы отчетливо видели, весь труд Римши от первой до последней страницы; назойливое акцентирование этой доктрины заметно выделяет его среди других писаний западно-германских «специалистов по Востоку», придает специфически боннский привкус его антикоммунизму. Собственно говоря, это и понятно — ведь книга Римши издана в ФРГ.

Интегральные идеи, являющиеся основным козырем в нынешней политической игре правящих кругов ФРГ и отпечатавшиеся столь явственно в разбираемой книге, имеют в Германии давнюю традицию. В середине XIX в. эти идеи, хотя и в несколько иных формах, исповедовал теоретик немецкого экспансионизма Фридрих Лист, маскируя агрессию прусско-юнкерского капитализма. В начале XX в. Фридрих Науманн в своей «Серединной Европе» обосновывал претензии германских империалистов на территории Восточной и Юго-Восточной Европы. Фашисты также не брезговали этими идеями: Геббельс и Розенберг охотно разглагольствовали о «европейской миссии» гитлеровских головорезов. Ныне за «интеграцию» продолжают цепляться неонацистские и реваншистские элементы. Под лживыми лозунгами борьбы с «коммунистической угрозой», «восточной агрессией» и прочими мнимыми опасностями в ФРГ широко проповедуются необходимость экономического, политического и военного союза стран Западной Европы. Под барабанный бой доктрины «интеграции» германским империалистам уже удалось достичь существенных выгод: потеснить своих конкурентов — Англию, Францию и даже США на ряде мировых рынков, добиться восстановления вооруженных сил, разместить их в странах Западной Европы, оснастить бундесвер ракетным оружием, осуществить пресловутое «экономическое чудо» и начать широкое проникновение в слаборазвитые страны. С помощью этой же реакционной доктрины германские империалисты надеются взорвать социалистический лагерь, изолировать страны народной демократии от Советского Союза и «интегрировать» экономический и политический потенциал стран Восточной Европы в новую великогерманскую империю. Наконец, наиболее ретивые защитники «европейской интеграции» непрочь приобщить к ней, хотя бы и в отдаленном будущем,

⁷ См., напр., Н. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма, Париж, 1955, стр. 7.

⁸ «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Wiesbaden, 1961, Hft. 1, S. 135.

некую, как они туманно выражаются, «новую Россию», которую большевики «изъяли» ныне из пределов Европы.

«Они говорят о Европе, а имеют в виду великую Германию», — писал австрийский буржуазный журнал⁹. «Эти твердолобые нацисты... — отмечал европейский комментатор американской газеты «Крисчен сайенс монитор» Э. Писко, — в течение последних девяти лет предпринимали настойчивые усилия, чтобы добиться осуществления своей цели, плывя по течению. Они, фигурально говоря, прицепили свою повозку, наполненную всем имуществом радикального национализма, к трактору сверхнационализма. Они едут, размахивая флагом, на котором написано: «Вперед, к нации Европа», а за этим лозунгом, который, по видимости, поддерживает усилия искренних европейцев и действует в том же направлении, они прячут свои планы создания радикально ориентируемой, управляемой с помощью диктаторских методов и находящейся под господством Германии «третьей силы», достаточно мощной для того, чтобы дать им возможность говорить на равных условиях как с Востоком, так и с Западом»¹⁰.

Мы видим, что даже на Западе вдумчивые наблюдатели понимают действительный смысл нынешних западногерманских лозунгов «интеграции». И надо сказать, что встречающееся в книге Римши столь характерное для современной западногерманской историографии переплетение в сущности противоречивых идей интеграции и чисто немецкого культуртрегерства отражает одну из примечательных особенностей нынешней политической атмосферы в Бонне, который и на данном этапе использует доктрину интеграции как удобный камуфляж для маскировки старых националистических целей германского империализма.

Но этот камуфляж никого не может обмануть. Вся политическая действительность ФРГ живо напоминает еще не столь отдаленные времена. Традиционные реваншистские лозунги, слегка подправленные и модифицированные, требуют традиционных аргументов. Сформулированная Гитлером агрессивная программа нацизма («Мы окончательно порываем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к земельной политике будущего. И, если мы теперь в Европе говорим о новой территории, то мы в первую очередь думаем о России и порабощенных ею окраинных государствах»¹¹) требовала именно той аргументации, которая была выдвинута Альфредом Розенбергом и всей сворой гитлеровских борзописцев. Теперь, когда канцлер ФРГ Аденауэр, выступая перед западногерманским объединением молодых безземельных крестьян, призывает их быть готовыми, чтобы «снова колонизовать Восток»¹², какими другими «сбоснованиями» можно подкрепить эти призывы, кроме приведенных выше? На примере «труда» Римши прекрасно видно, как реакционная историческая «наука» в ФРГ смыкается в ключевых вопросах с реваншистской идеологией.

Мотивы, которые столь настойчиво звучат в «Истории России» Ганса Римши, уже были в свое время обыграны пангерманскими, а затем нацистскими музыкантами. Повешенный в Нюрнберге военный преступник Альфред Розенберг, являвшийся шеф-идеологом фашистского рейха, вещал: «Некогда Россия была основана викингами; германские элементы запрудили хаос русских степей и втиснули население в рамки государственных форм, дающих возможность развития культуры. Эта роль вымирающей крови викингов позднее перешла к представителям немецкой Ганзы и вообще к западным переселенцам в Россию; со времени

⁹ «Osterreichische Nation», Juli 1955, S. 98.

¹⁰ «Christian Science Monitor», 8 January 1960.

¹¹ A. Hitler. Mein Kampf, München, S. 742.

¹² См. «Bulletin der Presse-und Informationsamtes des Bundesregierung», № 22, 1953, S. 173.

Петра Великого ее выполняли немцы Прибалтики, к началу XX века — также сильно онемеченные прибалтийские народы. Но в глубине, под верхними слоями в России, носителями обычаев были русские, у которых всегда дремало стремление к безграничному распространению, необузданная воля к разрушению всех форм жизни, ощущаемых лишь как голое ограничение. Смешанная монгольская кровь, даже сильно разбавленная, вскипала еще при всяком потрясении русской жизни и увлекала людей на дела, зачастую непонятные даже самому участнику»¹³.

Кто станет оспаривать почти дословное сходство концепции Римши с писаниями нацистского «фюрера»? В подчеркивании роли германского элемента немцев Прибалтики, отрицательной роли «монгольской крови», в провозглашении анархистских тенденций и «необузданной воли» в качестве основной черты русского человека Римша попросту повторяет разглагольствования Розенберга.

Зависимость концепции Римши от национал-социалистской историографии совершенно бесспорна. И у нацистов русский исторический процесс сводился в широком плане к противопоставлению Европе Азии. Нацистский историк Рихард Мёллер в книге об истории России, вышедшей в 1939 г., прямо писал: «Великий спор между Западом и Востоком, между Европой и Азией в течение тысячелетий является основным мотивом русской истории». Этот же тезис, как мы видели, положил в основу своего труда Римша. Секрет такого совпадения прост. «Мы должны европеизировать Россию», т. е. захватить ее, покончить с большевизмом и превратить в колонию немецкого рейха, рассуждал в соответствии с указанием фюрера Рихард Мёллер — гитлеровский специалист по Восточной Европе¹⁴. Еще более откровенно в этом направлении высказался коллега Мёллера Эрих Машке. В брошюре по «мировоззренческому образованию членов национал-социалистической партии», предназначенной «для служебного пользования», он, сетуя на то, что в прошлом не удалось полностью выполнить задачу приобщения России к Европе, высказывал надежду на ее решение в будущих сражениях немецких солдат¹⁵.

Однако солдаты фюрера изрядно оскандалились. В новой политической обстановке, в которой пишет свои труды Римша, от подобных откровенных заявлений приходится воздерживаться. Но туманные намеки эрлангенского профессора на «изъятую» большевиками из Европы Россию наталкивают читателя на те же выводы.

Интегральные идеи, положенные Римшей в основу своей истории России, также широко использовались в свое время фашистскими историками. «Формирование германцами государства в восточном пространстве посредством варягов,— писал Машке,— имело глубочайший европейский смысл...». Это заявление ничем не отличается по смыслу от приведенных выше высказываний Римши. Подписался бы Римша и под следующим заявлением нацистского историка: «Со времени Петра Великого Россия усвоила европейскую полуцивилизацию, отделившую тонкий слой интеллигенции от широких, пребывающих в жалкой апатии масс народа. Этот верхний слой полностью пропитался идеями Запада»¹⁶.

А разве можно отличить от «выводов Римши» следующие «откровения» нацистских историков:

¹³ Alfred Rosenberg. Der Mythos des XX Jahrhunderts, München, 1931, S. 110.

¹⁴ См. Richard Moeller. Von Rurik bis Stalin. Wesen und Werden Russlands, Leipzig, 1939, S. 6, 8.

¹⁵ Erich Maschke. Die geschichtsbildenden Kräfte des Ostraumes. Schriftenreihe zur weltanschaulichen Schulungsarbeit der NSDAP. Nur für Dienstgebrauch. München, 1932, S. 15. В настоящее время Машке — проф. истории Геттингенского университета.

¹⁶ Там же, стр. 13.

— «Славянские народности не могли выработать сами действительно европейскую государственную и культурную жизнь»¹⁷.

— «...Петербургский царизм развивался под сильным западным влиянием и прежде всего с помощью немецких господ в Прибалтике».

— Октябрьская революция — «нигилистско-анархистская народная революция».

— «Вначале большевистская революция соответствовала любви русских к ничему, к абсолютному разрушению всех форм».

— «Кто может сомневаться в том, что испытанная русская система правления вышла из татарских и царистских времен».

— «Большевистские властители просто лишь забрались в пустую шкуру царизма»¹⁸.

Эти нацистские бредни вряд ли заслуживали бы воспроизведения, если бы их сравнение с откровениями Римши не подтверждало совершенно неопровержимо, что не кто иной, как сам эрлангенский профессор с его собратьями по перу забрались, выражаясь языком их фашистского коллеги, в пустую шкуру нацизма.

В биографии Ганса фон Римши, опубликованной в справочнике «*Wer ist wer?*», он представлен как жертва нацистов, закрывших редактируемый им журнал немецкого меньшинства в Латвии¹⁹. Ныне же он вновь возрождает нацистский бред. И это не случайно. Логика антикоммунизма сильнее, чем благие пожелания, даже если таковые совершенно искренни. Встав на стезю антикоммунизма, Римша неминуемо хватается за аргументы, которые уже использовались его предшественниками — белоэмигрантскими и нацистскими историками.

Труды, подобные разобранный книге Римши, сводят на нет усилия современной западногерманской историографии представить фашизм как нечто наносное и чуждое всему ходу немецкой истории²⁰. Исторические заклинания Геббельса о большевизме как «опасности, угрожающей Европе», как силе, стремящейся к «разрушению Запада»²¹, опирались на аналогичные заявления Римши и ему подобных в 20-х и начале 30-х годов. Ныне заклинания Римши и ему подобных против коммунизма, социализма и демократии, их полурасистские выпады и культуртрегерские замашки дают опору возрождающимся в Западной Германии бредовым идеям нацизма. Эта преемственность не случайна, она расцветает на благодатной почве мирового антикоммунизма, тщательно возделываемой и германскими империалистами.

Необходимо помнить, что бред бесноватого фюрера и его подручных был не просто бредом нескольких индивидов — он стоил миру десятки миллионов человеческих жертв. Вот почему нельзя ныне проходить мимо бреда Римши и ему подобных, которые не только не изолируются в федеративном боннском государстве, а, напротив, числятся лучшими наставниками западногерманской молодежи, специалистами по ведению «психологической войны».

¹⁷ Там же, стр. 5, 13, 14.

¹⁸ R. Moeller. Указ. соч., стр. 7, 324, 8, 329.

¹⁹ См. Habel. *Wer ist wer?* XIII Aufl., 1958, S. 1042.

²⁰ Один из наиболее популярных ныне в ФРГ историков Голо Манн так сформулировал эти претензии: «Как дом, над которым тяготеет проклятие из-за произошедшего в нем убийства, дом, расположенный в середине деревни, старательно обходимый жителями, стоит в воспоминании немцев «третья империя»; и стоит как стена между современностью и всем ранним прошлым». См. Golo Mann. *Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhundert*, 2 Aufl., Frankfurt am Main, 1960, S. 11; См. также E. Kessel, *Adolf Hitler und der Verrat am Preußentum*, «Aus Politik und Zeitgeschichte», № 46, Bonn, 1961, S. 649—661.

²¹ См. Goebbels. *Kommunismus ohne Maske*, München, 1936, S. 30.

